Пигмалион

Автор:
Бернард Шоу

Пигмалион

Джордж Бернард Шоу

PocketBook (Эксмо)

Крупнейший английский драматург конца XIX – первой половины XX в. Джордж Бернард Шоу (1856–1950) в своих произведениях выступает как мастер интеллектуальной драмы-дискуссии, построенной на острых диалогах, полной парадоксальных ситуаций, разрушающей все традиционные представления о театре. Его пьесы бичуют политическую реакцию, нормативную мораль, лицемерие, ханжество. В 1925 г. писателю была присуждена Нобелевская премия.

Бернард Шоу

Пигмалион

Предисловие

Профессор фонетики

Как станет понятно далее, «Пигмалион» нуждается не столько в предисловии, сколько в заключении, каковое вы и отыщете в надлежащем месте.

Англичане не уважают свой язык и не стремятся обучить собственных детей правильно говорить на нем. Они не могут адекватно записывать свою речь, так как у них нет для этого ничего, кроме старого иностранного алфавита, в коем лишь согласные – да и то не все – имеют общепринятые звуковые соответствия. Следовательно, никто не способен освоить его звучание посредством чтения, а потому, едва открыв рот, любой англичанин непременно вызывает неприязнь у какого-либо своего соотечественника. Большинство европейских языков давно доступны иностранцам в записи черным по белому; английский и французский не доступны в этой форме даже самим англичанам и французам. Сегодня нам более всего необходим реформатор в лице энергичного фонетиста-энтузиаста – вот почему я сделал такого человека героем популярной пьесы.

Голоса подобных героев, словно глас вопиющего в пустыне, раздаются на нашей родине в течение многих лет. В конце 1870-х, когда я впервые заинтересовался этой темой, великолепный Александр Мелвилл Белл, изобретатель «видимой речи», уже эмигрировал в Канаду, где его сын изобрел телефон, но Александер Дж. Эллис был еще лондонским патриархом; его внушительную голову всегда прикрывала круглая бархатная шапочка, за что он чрезвычайно вежливо извинялся на публичных собраниях. К нему и Тито Пальярдини, второму ветерану фонетики, нельзя было относиться иначе, нежели с симпатией. Генри Свит, в ту пору еще юноша, не обладал присущей им мягкостью характера; обыкновенные смертные вызывали у него не больше нежных чувств, чем у Ибсена и Сэмюэла Батлера. Незаурядный дар Свита (думаю, среди специалистов по фонетике он был самым лучшим) снискал бы этому ученому высокое официальное признание и, возможно, помог бы ему популяризировать свой предмет, если бы не его демоническое презрение к сановникам от науки и вообще ко всем, кто ставил греческий выше фонетики. Однажды – это было в те дни, когда в Южном Кенсингтоне вырос Имперский институт, а Джозеф Чемберлен без устали раздвигал пределы империи, – я убедил редактора одного ведущего ежемесячника принять от Свита статью, доказывающую всебританскую значимость его предмета. По получении этой статьи выяснилось, что она не содержит ничего, кроме издевательских нападок на некоего профессора английского языка и литературы, чье место, по убеждению Свита, следовало занимать только знатоку фонетики. Материал отклонили как клеветнический и решительно не пригодный для публикации, а мне пришлось распрощаться с мечтой привлечь внимание широкой публики к его автору. Встретившись с ним лично после многолетнего перерыва, я, к своему удивлению, обнаружил, что этот во время оно весьма приличный молодой человек умудрился посредством одного лишь презрения так изменить свою внешность и манеры, что сделался как бы ходячим отрицанием Оксфорда и всех

его традиций. Как ни странно, его все же уговорили занять там должность преподавателя фонетики. Возможно, будущее этой науки теперь в руках его учеников, буквально молившихся на него, однако ничто не могло подвигнуть самого мэтра даже на малейшие уступки университету, принадлежать к коему по духу и складу было, впрочем, назначено ему самою судьбой. Осмелюсь высказать догадку, что в его бумагах, если он оставил таковые, отыщутся сатирические зарисовки, которые можно будет опубликовать без слишком уж катастрофических результатов лет этак через пятьдесят. При всем при том я не считаю, что у него был дурной характер, и даже наоборот; просто он не принадлежал к тем, кто охотно мирится с чужой глупостью, а ему казались непроходимо глупыми все ученые, не питавшие страстной любви к фонетике.

Люди, знавшие Свита, увидят в моем третьем акте намек на оригинальную стенографическую систему, которой он пользовался при написании открыток и руководство к которой, изданное «Кларендон пресс», можно приобрести за четыре с половиной шиллинга. Я сам получал от Свита открытки, подобные тем, что описывает миссис Хиггинс. Расшифровав звук, который кокни передал бы как «зерр», а француз как «зе», я недоуменно и, признаюсь, с долей раздражения осведомлялся в ответном письме, что это, черт возьми, может означать. С безграничной снисходительностью, явно сожалея о моей тупости, Свит пояснял, что это не только может, но и означает слово «результат», ибо ни в одном языке мира не существует иного слова, содержащего данный звук и уместного в данном контексте. То, что менее искушенным смертным могут потребоваться более подробные указания, выводило его из себя. Таким образом, хотя его «плавная скоропись» и предназначена для точного отображения любого звука в языке, как гласного, так и согласного, причем ваша рука должна выводить только легкие и плавные линии, как при написании букв m, n и u, l, p и q под любым удобным вам углом, его упорное стремление использовать эту хорошую и вполне понятную систему в качестве стенографической приводило к возникновению самых что ни на есть загадочных криптограмм. Его истинной целью была разработка полной, точной, удобочитаемой системы записи для нашего благородного, но плохо оформленного языка, однако он сбился с пути из-за презрения к популярной стенографической системе Питмана, которую считал абсолютно неудачной. Триумф Питмана был триумфом деловой организации: вас убеждали изучать Питмана в еженедельной газете, вы могли покупать дешевые пособия и тетради для упражнений, а также копировать записи речей, сделанные по его системе, а в школах работали опытные учителя, помогавшие вам достичь необходимой сноровки в ее применении. Свит не мог составить всему этому достойную конкуренцию. Он напоминал Сивиллу, разорвавшую листы с пророчеством, на которое никто не обращал внимания.

Может быть, в один прекрасный день какой-нибудь синдикат заинтересуется его руководством за четыре с половиной шиллинга (в основном это литографическое воспроизведение текстов, написанных им от руки) и, не брезгуя пошлой рекламой, навяжет его публике, как «Таймс» навязал ей энциклопедию «Британника», но до тех пор Свиту определенно не победить Питмана. Сам я за всю жизнь купил три экземпляра его труда и слышал от издателей, что он пользуется устойчивым, хотя и ограниченным спросом. Дважды, в разные годы, я обучался его значкам, однако авторство системы, с помощью которой я пишу сейчас эти строки, принадлежит Питману. Причина проста: моя секретарша не может расшифровать запись по Свиту, поскольку в школе ей волей-неволей пришлось овладеть питмановской. В Америке я мог бы пользоваться коммерчески подкрепленной системой Грегга, который позаимствовал у Свита идею сделать буквы удобными для письма (плавными, как сказал бы Свит), а не угловатыми, как у Питмана; но все эти системы испорчены тем, что их приспособили для стенографирования, а в этом случае точная передача звуков и разделения речи на слова становится невозможной. Полная и точная фонетическая транскрипция неудобна с практической точки зрения и не нужна в обычной жизни, но если мы увеличим свой алфавит до размеров русского и сделаем наше правописание столь же фонетически достоверным, как у испанцев, прогресс будет огромным.

Пигмалион Хиггинс – отнюдь не копия Свита, для которого приключение с Элизой Дулитл было бы невозможно; однако, как вы убедитесь, Свит оставил в пьесе свои следы. Будь у него хиггинсовские здоровье и темперамент, Свит мог бы поджечь Темзу. И даже без оных ему удалось произвести на Европу настолько сильное впечатление, что его относительная малоизвестность на родине вкупе с нежеланием Оксфорда воздать ему должное весьма озадачивали его коллег с континента. Я не виню Оксфорд, ибо считаю, что он вправе требовать от своих питомцев некоторой лояльности (Бог свидетель, эти требования нельзя назвать чрезмерными!). Мне хорошо известно, как нелегко одаренному человеку, чья область интересов явно недооценена, поддерживать теплые и дружеские отношения с людьми, которые ее недооценивают и занимают все лучшие места, преподавая менее важные дисциплины не только без огонька, но зачастую и без достаточно глубоких знаний о них, но все же, если он обрушивает на этих людей свой гнев и презрение, не стоит ожидать, что в ответ его будут осыпать почестями.

О следующих поколениях фонетистов я знаю мало. Среди них высится Роберт Бриджес, коему Хиггинс, возможно, обязан своим преклонением перед Мильтоном, хотя и здесь я должен отвергнуть всякое портретное сходство. Но

если моя пьеса помогает публике осознать, что на свете есть такие люди, как фонетисты, и что в настоящее время они представляют собой весьма важные для Англии персоны, я могу считать свою цель достигнутой.

Хочу похвастаться, что «Пигмалион» в обеих версиях, сценической и экранной, имеет чрезвычайный успех не только на родине, но и во всей Европе, а также в Северной Америке. Эта пьеса столь откровенно и умышленно поучительна, а ее предмет почитается столь сухим, что я с большим удовольствием ткну ею в нос тем умникам, которые с попугайским упорством твердят, будто поучительность противопоказана искусству. Она подтверждает мое мнение о том, что истинному искусству противопоказана не поучительность, а ее отсутствие.

В заключение – и в утешение тем, кому из-за своих речевых недостатков не удается сделать карьеру, – я добавлю, что метаморфоза, происшедшая с цветочницей благодаря стараниям профессора Хиггинса, вовсе не является такой уж чудесной или уникальной. Наша домашняя прислуга и продавцы в вест-эндских магазинах двуязычны. Дочь консьержа, которая в наше время удовлетворяет свое честолюбие, играя в «Рюи Блазе» на сцене «Комеди франсез» испанскую королеву, – лишь одна из многих тысяч мужчин и женщин, избавившихся от своего привычного выговора ради того, чтобы обрести новый язык. Однако эта задача требует научного подхода, иначе результат вполне может оказаться противоположным. Простой и натуральный трущобный говор легче снести, чем попытку не искушенной в фонетике личности имитировать манеру речи, принятую среди богачей. Честолюбивым цветочницам, прочитавшим эту пьесу, не стоит думать, будто они сумеют выдать себя за леди без всякого труда. Для этого им придется заново выучить весь алфавит с помощью фонетиста-профессионала. Примитивное подражание приведет лишь к тому, что они выставят себя на посмешище.

Техническое примечание

Полная постановка пьесы в том виде, в каком она впервые публикуется в этом издании, технически возможна только на киноэкране либо на сцене, снабженной сложным механическим оборудованием. Обычным театрам, желающим включить ее в свой репертуар, рекомендуется опустить эпизоды, отмеченные звездочками.

Действие первое

Лондон в 11.15 вечера. С неба низвергаются потоки воды. Отовсюду доносятся истерические автомобильные гудки. Прохожие спасаются от летнего ливня под портиком церкви Святого Павла (не собора, построенного Реном, а церкви Иниго Джонса на овощном рынке Ковент-гарден); среди них Дама средних лет и ее Дочь в вечерних платьях. Все мрачно смотрят на струи дождя, и только один Мужчина повернулся спиной к остальным и сосредоточенно строчит что-то у себя в блокноте.

Церковные часы бьют четверть.

Дочь (между центральными колоннами, рядом с правой, если смотреть из зала). Продрогла до костей. Куда пропал Фредди? Целых двадцать минут где-то ходит.

Мать (по правую руку от дочери). По-моему, меньше. Но все равно, пора бы ему уже поймать нам такси.

Посторонний (по правую руку от дамы). Не видать вам никакого такси до полдвенадцатого, уважаемая. Развезут которых из театра, тогда и вернутся.

Мать. Но нам очень нужно такси. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Это никуда не годится.

Посторонний. Я тут ни при чем, уважаемая.

Дочь. Был бы наш Фредди пошустрее, так поймал бы какое-нибудь у театра.

Мать. Разве он виноват, бедный мальчик!

Дочь. Другие-то раздобыли такси. А он почему не мог?

Из-под дождя со стороны Саутгемптон-стрит прибегает Фредди и втискивается между ними, стряхивая с зонтика воду. Это юноша двадцати лет в вечернем

костюме; брюки у него снизу совсем промокли.

Дочь. Ну что, поймал такси?

Фредди. Хоть умри, никто не везет.

Мать. Ах, Фредди, быть этого не может. Наверное, ты плохо искал.

Дочь. Он утомился, бедняжечка. Хочешь, чтобы мы сами отправились?

Фредди. Говорю вам, они все заняты. Дождь полил так внезапно – застал людей врасплох, вот они и бросились ловить такси. Я добежал до Чаринг-Кросс в одну сторону и почти до Ладгейт-серкус в другую, и все заняты.

Мать. А на Трафальгарской площади пробовал?

Фредди. Не было там такси.

Дочь. Ты скажи, пробовал?

Фредди. Я даже на Чаринг-Кросском вокзале был. Хотите загнать меня в Хаммерсмит?

Дочь. И вовсе ты не пробовал.

Мать. Какой ты беспомощный, Фредди. Иди снова и без такси не возвращайся.

Фредди. Промокну зря, вот и все.

Дочь. А о нас ты подумал? Хочешь, чтобы мы простояли всю ночь под этим ливнем почти что голые. Ну и эгоист же ты…

Фредди. Ладно, ладно. Иду. (Раскрывает зонтик и бросается в направлении Стрэнда, но налетает на цветочницу, которая спешит спрятаться под портиком, и выбивает у нее из рук корзину. Столкновение сопровождается ослепительной

вспышкой молнии и немедленно вслед за нею – оглушительным раскатом грома.)

Цветочница. Эй, Фредди! Смотри, куда идешь!

Фредди. Простите. (Убегает.)

Цветочница (поднимает рассыпанные цветы и снова кладет их в корзину). Ну и манеры! Два букета мне раздавил. (Она садится на цоколь колонны, по правую руку от дамы, и перебирает цветы. Это малопривлекательная особа. Ей лет восемнадцать-двадцать, не больше. На голове у нее маленькая черная соломенная шляпка, собравшая на себя значительное количество лондонской пыли и копоти и явно почти не знакомая со щеткой. Волосы девушке тоже не мешало бы помыть: их мышиный цвет едва ли может быть естественным. На ней дешевое черное пальтецо, еле достающее до колен и слегка приталенное, коричневая юбка и грубый передник. Ботинки в плачевном виде. Она, несомненно, следит за собой настолько, насколько позволяют ее средства, но по сравнению с дамами выглядит очень грязной. Черты лица у нее не хуже, но их состояние оставляет желать лучшего; кроме того, ей требуются услуги дантиста.)

Мать. Откуда ты знаешь, что моего сына зовут Фредди, милочка?

Цветочница. Так он ваш сынок? Хорошо вы его воспитали: загубил товар у бедной девушки и удрал не заплативши. Вы, что ль, платить будете?

Дочь. И не вздумай, мама. Ишь, хитрая!

Мать. Тихо, Клара. У тебя есть мелочь?

Дочь. Нет. Мельче шестипенсовика – ничего.

Цветочница (с надеждой). Я вам сдачи дам, добрая леди.

Мать (Кларе). Дай его мне. (Клара неохотно подчиняется.) Ну вот! (Цветочнице.) На тебе за цветы.

Цветочница. Благодарю покорно.

Дочь. Пусть сдачу отдаст. Букетики-то по пенни штука.

Мать. Придержи язык, Клара. (Цветочнице.) Оставь сдачу себе.

Цветочница. Благодарствуйте.

Мать. А теперь скажи, откуда ты знаешь имя моего сына.

Цветочница. Да не знаю я.

Мать. Я слышала. Не обманывай.

Цветочница (возмущенно). Никто вас не обманывает. Незнакомый – он и есть Фредди или Чарли, так любой сказал бы, ежели он воспитан.

Дочь. Шесть пенсов на ветер! Право, мама, нельзя так швыряться деньгами. (Рассерженно удаляется за колонну.)

Под крышу вбегает добродушного вида Джентльмен средних лет с военной выправкой, закрывает и отряхивает зонтик. Как и у Фредди, брюки у него внизу промокли насквозь. Он одет по-вечернему, в легком плаще поверх костюма. Ему достается место, освободившееся после ухода дочери.

Джентльмен. Ф-фу!

Мать (джентльмену). Простите, сэр, дождь еще не кончается?

Джентльмен. Нет, к сожалению. Минуту-другую назад еще сильней припустил. (Подходит к цоколю, на котором сидит цветочница, ставит на него ногу и нагибается, чтобы подвернуть штанину.)

Мать. О Господи! (Грустно отступает вслед за дочерью.)

Цветочница (решив воспользоваться соседством джентльмена, чтобы завятать с ним дружеские отношения). Раз сильней стал, значит, скоро кончится. Выше голову, капитан; купите цветок у бедной девушки.

Джентльмен. Не могу. У меня нет мелочи.

Цветочница. Я сдачи дам, капитан.

Джентльмен. С соверена? Меньше у меня нет.

Цветочница. Да ладно вам. Купите цветочек! Полкроны разменяю. Вот этот, за два пенса.

Джентльмен. Оставьте меня в покое, девушка. (Роется в карманах.) У меня действительно нет мелочи… постойте-ка, вот три полупенсовика, держите. (Отходит к другой колонне.)

Цветочница (она разочарована, но три полупенсовика все же лучше, чем ничего). Спасибо, сэр.

Посторонний (цветочнице). Поосторожней: дай ему цветок за его деньги. Видишь, вон тот – он все твои слова записывает. (Все оборачиваются к человеку, делающему пометки в блокноте.)

Цветочница (подскакивает в ужасе). Я ж ничего плохого не сделала. Я имею право цветы продавать, если прохожим не мешаю. (Истерически.) Я честная девушка! Помогите, я только предложила этому джентльмену купить цветочек, вот и все!

Общее волнение; в целом присутствующие сочувствуют цветочнице, но осуждают ее за излишнюю эмоциональность. Старшие, более уравновешенные наблюдатели похлопывают ее по плечу, приговаривая: «Да чего ты вопишь? Кто тебя трогает? Все нормально. Какой смысл шуметь? Держи себя в руках. Успокойся», – и т. д. Менее терпеливые предлагают ей заткнуться или грубо спрашивают, что это ей приспичило. Те, что стояли подальше и не знают, в чем дело, подходят поближе, увеличивая общую сумятицу своими вопросами и ответами: «По какому поводу шум? Что она натворила? Где он? Сейчас ее арестуют. Кто – вон тот? Ну да, он самый. Деньги у человека вымогала», и т. д.

Цветочница (в панике проталкивается сквозь толпу к джентльмену и отчаянно голосит). Сэр, он меня в тюрьму заберет! А мне это нельзя! Скажут – к джентльмену приставала, и куда мне потом – на улицу? Мне мое честное имя еще дорого! Мне…

Человек с блокнотом (подходит к ней слева, если смотреть из зала; толпа устремляется за ним). Эй! Хватит! Хватит! Кто тебя трогает, чудачка? Кто я, по-твоему?

Посторонний. Все нормально, он джентльмен: по башмакам видать. (Объясняет человеку с блокнотом.) Она решила, что вы накатчик, сэр.

Человек с блокнотом (с живым интересом). Кто такой накатчик?

Посторонний (затрудняясь дать определение). Накатчик – он и есть накатчик. А как еще скажешь? Шпик вроде.

Цветочница (по-прежнему истерически). Христом-богом клянусь, я ничего не делала…

Человек с блокнотом (властно, но беззлобно). Да помолчи ты. Помолчи. Я что, похож на полицейского?

Цветочница (все еще в сомнениях). А чего тогда записывали? Может, вы там все переврали? Покажите, чего там написано. (Человек раскрывает блокнот и держит его прямо у нее перед носом, не давая любопытным, пытающимся заглянуть туда через его плечи, спихнуть себя с места.) Что такое? Не пойму. Как это читать-то?

Человек с блокнотом. Очень просто. (Читает, в точности копируя ее произношение.) «Выше голову, капитан; купите цветок у бедной девушки».

Цветочница (в полном расстройстве). Это потому, что я его капитаном назвала! А чего тут такого? (Джентльмену.) Сэр, пожалуйста, не дайте ему забрать меня в тюрьму. Вы…

Джентльмен. В тюрьму? Какая еще тюрьма! (Человеку с блокнотом.) Если вы сыщик, сэр, не надо защищать меня, пока я сам об этом не попрошу. Девушка не сделала ничего дурного, это всякому видно.

Толпа (выражая общее возмущение полицейскими, которые повсюду суют свой нос). Ясное дело. А вам-то что? Нечего лезть, куда не просят. Он небось в начальники метит. Записывает тут! Что она ему сделала? Ну, сказала два слова. Уж и от дождя не спрячешься! – и т. д., и т. п. (Самые сердобольные провожают ее обратно к цоколю, она усаживается на него и пытается прийти в себя.)

Посторонний. Да он не шпик. Просто нос сует куда не надо. Говорю же, гляньте на его башмаки!

Человек с блокнотом (оборачиваясь к нему, добродушно). Как поживает ваша родня в Селси?

Посторонний (подозрительно). А почем вы знаете, что я из Селси?

Человек с блокнотом. Неважно. Я ведь прав. (Цветочнице.) А тебя зачем понесло на восток? Жила бы в своем Лиссон-Гроув.

Цветочница (испуганно). А чего, нельзя, что ли? Жилье там хлев хлевом, а четыре с полтиной в неделю им плати. (Ударяясь в слезы.) У-у-у-у!

Человек с блокнотом. Да живи где хочешь, только не вопи.

Джентльмен (цветочнице). Ну, ну! Не тронет он вас; вы имеете право жить, где хотите.

Шутник (вклиниваясь между джентльменом и человеком с блокнотом). Хоть на Парк-лейн. Готов обсудить с тобой жилищный вопрос.

Цветочница (погрузившись в глубокое уныние над своей корзиной, говорит безнадежным тоном сама с собой). Я честная девушка.

Шутник (больше не обращая на нее внимания). Ну, а я откуда – можете сказать?

Человек с блокнотом (быстро). Из Хокстона.

Раздаются смешки. Общий интерес к трюкам человека с блокнотом возрастает.

Шутник (изумленно). Ничего себе! Во дает! Все знает.

Цветочница (все еще лелея свою обиду). Пусть не цепляются. Кто им право давал?

Посторонний (ей). Никто не давал. Ты его не бойся. (Человеку с блокнотом.) Вот что: какое вы имеете право знать всякие вещи о людях, которые вам этого, между прочим, не позволяли?

Цветочница. Пусть болтают что хочут. Я их знать не желаю.

Посторонний. Мы вам что, грязь под ногами, да? С джентльменом небось вольничать боитесь!

Шутник. Во-во. Скажите ему, где он бывал, ежели вы такой догадливый.

Человек с блокнотом. В Челтнеме, Харроу, Кембридже и Индии.

Джентльмен. Совершенно верно.

Общий смех. Реакция в пользу человека с блокнотом. Восклицания: «Все знает! Прямо так ему и сказал! Слыхали, как он его определил, а?» – и т. д.

Джентльмен. Позвольте спросить, сэр, вы не из цирка?

Человек с блокнотом. Да нет. Может, когда-нибудь и наймусь.

Дождь кончился. Толпа постепенно начинает рассеиваться.

Цветочница (огорченная переменой общественного мнения). Так джентльмены не поступают, вот что. Оскорблять честную девушку!

Дочь (потеряв терпение, проталкивается вперед и оттесняет джентльмена, который вежливо уступает ей, становясь по другую сторону колонны). Куда Фредди пропал? Не хватало еще заработать пневмонию на этом сквозняке!

Человек с блокнотом (себе под нос, подметив, как она произнесла слово «пневмония», и занеся в блокнот очередную пометку). Эрлскорт.

Дочь (свирепо). Придержите язык, господин хороший.

Человек с блокнотом. Я что, вслух сказал? Простите. Я не хотел. А матушка ваша, конечно, из Эпсома.

Мать (шагнув вперед и став между дочерью и человеком с блокнотом). Вот чудеса! Я выросла в Ларджледи-Парк, под Эпсомом.

Человек с блокнотом (в буйном восторге). Ха-ха! Ну и названьице, черт побери! Извините. (Дочери.) Так вам нужно такси?

Дочь. Не приставайте ко мне.

Мать. Прошу тебя, Клара! (В ответ дочь сердито пожимает плечами и надменно отходит в сторону.) Если бы вы нашли нам такси, сэр, мы были бы очень благодарны. (Человек с блокнотом извлекает из кармана свисток.) Спасибо вам большое! (Присоединяется к дочери.)

Человек с блокнотом пронзительно свистит.

Шутник. Ага! Говорил я вам, он легавый в штатском.

Посторонний. Это не полицейский свисток, а спортивный.

Цветочница (упорно не желая успокаиваться). Чего он на меня напраслину возводит! Раз я не леди, так клепать можно?

Человек с блокнотом. Может, вы не заметили, но дождь-то уже давно кончился.

Посторонний. Верно. Что ж вы молчали? Слушаем тут вашу чепуху! (Уходит в сторону Стрэнда.)

Шутник. Я знаю, откуда вы сбежали. С Бедлама. Чешите-ка обратно.

Человек с блокнотом (с готовностью поправляет). Из Бедлама.

Шутник (саркастически). Спасибочки, дяденька. Ха-ха! Всего хорошего. (С издевательской вежливостью дотрагивается до шляпы и удаляется.)

Цветочница. Пугают тут людей! Самих бы так!

Мать. Ну вот, Клара. Можно идти на автобус. Пойдем. (Подбирает юбки, чтобы не замочить подол, и спешит в направлении Стрэнда.)

Дочь. Но ведь такси… (Ее мать уже не слышит.) Ох, Боже мой! (Сердито идет следом.)

Все остальные тоже разошлись; остались лишь человек с блокнотом, джентльмен и цветочница, которая сидит, поправляя цветы в корзине и недовольно бормоча себе под нос.

Цветочница. Бедная я, бедная. И так жизнь собачья, да еще пристают всякие.

Джентльмен (возвращаясь на свое прежнее место по левую руку от человека с блокнотом). Позвольте спросить, как вам это удается?

Человек с блокнотом. Ничего сложного – просто фонетика. Произношение. Это моя профессия и хобби тоже. Мне повезло, что они совпали! Вы можете узнать по выговору ирландца или йоркширца. А я могу определить, откуда человек, с точностью до шести миль. А в Лондоне – до двух. Иногда и улицу назову.

Цветочница. Постыдились бы, трус несчастный!

Джентльмен. Неужели этим и заработать можно?

Человек с блокнотом. О да. И неплохо. Нынче век выскочек. Люди начинают с восьмидесяти фунтов в год где-нибудь в Кентиш-тауне, а кончают на Парк-лейн с доходом в сто тысяч. Они хотят забыть свое прошлое, но выдают себя, едва открыв рот. А я могу научить их…

Цветочница. Чего он сует нос в чужие дела и не может оставить бедную девушку в…

Человек с блокнотом (взрывается). Слушай, ты прекрати здесь бубнить или ищи крышу над головой в другом месте.

Цветочница (неуверенно огрызается). Сами ищите, а я тоже право имею!

Человек с блокнотом. Женщина, которая издает такие мерзкие, отвратительные звуки, вообще не имеет права жить на свете. Ты же человек, у тебя есть душа и божественный дар членораздельной речи: твой родной язык – это язык Шекспира, Мильтона и Библии, а ты тут гундосишь, как больной голубь!

Цветочница (явно глубоко потрясенная, исподлобья глядя на него со смесью вызова и изумления). А-а-а-а-у-у-у!

Человек с блокнотом (выхватывая блокнот). Боже! Ну и звуки! (Пишет; затем отстраняет от себя блокнот и читает, в точности воспроизводя услышанное.) А-а-а-а-у-у-у!

Цветочница (польщенная представлением, смеясь помимо воли). Да отстаньте вы от меня!

Человек с блокнотом. Видите это убожество с ее уличным английским: она всю жизнь не вылезет из канавы. Так вот, сэр, через три месяца на великосветском приеме она у меня сошла бы за герцогиню. Мало того – она даже могла бы устроиться в горничные или в хороший магазин продавщицей, а для этого нужен язык получше.

Цветочница. Чего-чего?

Человек с блокнотом. Да-да, жалкая гнилая кочерыжка, бельмо на глазу у порядочных людей, живое оскорбление нашему языку – я мог бы выдать тебя за царицу Савскую. (Джентльмену.) Что, не верите?

Джентльмен. Нет, почему же. Я сам изучаю индийские диалекты, и…

Человек с блокнотом (жадно). Правда? Вы случайно не знакомы с полковником Пикерингом, автором книги об устном санскрите?

Джентльмен. Это я и есть. А вы кто?

Человек с блокнотом. Генри Хиггинс, автор Универсального алфавита Хиггинса.

Пикеринг (с восторгом). Я приехал из Индии, чтобы увидеться с вами!

Хиггинс. А я собирался в Индию, чтобы познакомиться с вами!

Пикеринг. Где вы живете?

Хиггинс. На Уимпол-стрит, 27-А. Приходите ко мне завтра.

Пикеринг. А я в «Карлтоне». Пойдемте перекусим вместе.

Хиггинс. Это мысль.

Цветочница (Пикерингу, когда тот проходит мимо). Купите цветочек, добрый господин. Мне за жилье платить нечем.

Пикеринг. Сожалею, но у меня нет мелочи. Простите. (Уходит.)

Хиггинс (потрясенный криводушием цветочницы). Лгунья. Ты же говорила, что можешь разменять полкроны!

Цветочница (поднимается, в негодовании). А вас кто за язык тянет? (Швыряет корзину ему под ноги.) Вот, забирайте всю корзину за шесть пенсов.

Часы бьют вторую четверть.

Хиггинс (услышав в этом глас Божий, упрекающий его за фарисейский недостаток чуткости по отношению к цветочнице). Ближнего надо жалеть. (Торжественно приподнимает шляпу, затем кидает в корзину горсть монет и идет догонять Пикеринга.)

Цветочница (достает из корзины полкроны). А-а-у! (Достает пару флоринов.) А-а-а-у! (Достает еще несколько монет.) А-а-а-а-у! (Достает полсоверена.) А-а-а-а-а-а-у-у!!!

Фредди (выскакивает из такси). Наконец-то поймал. Эй! (Цветочнице.) А куда делись две леди?

Цветочница. Пошли на автобус, когда дождь кончился.

Фредди. А меня бросили с этим такси! Тьфу, черт!

Цветочница (с достоинством). Спокойно, молодой человек. Я его беру. (Величественно шествует к такси. Шофер перегибается назад и держит дверцу, не давая ей сесть. Отлично понимая причину его недоверия, она показывает ему горсть монет.) Такси – это для меня не расход, Чарли. (Он ухмыляется и распахивает дверцу.) А как насчет корзины?

Таксист. Давай ее сюда. Два пенса сверху.

Лиза. Нет – я не хочу, чтоб ее видели. (Запихивает корзину поглубже назад и забирается в машину сама, продолжая разговор через окно.) Пока, Фредди!

Фредди (ошеломленно приподнимая шляпу). Пока.

Таксист. Куда?

Лиза. В Бекнегемский дворец.

Таксист. То есть как это – во дворец?

Лиза. Чего, не знаешь, где он? В Грин-парке, где король живет. Пока, Фредди. Можете тут не торчать, я уезжаю. Пока.

Фредди. До свиданья. (Уходит.)

Таксист. Эй! Чего это ты насчет Бекенгемского дворца-то? На кой тебе в Бекенгемский дворец?

Лиза. Да не нужен он мне. Я просто не хотела при нем говорить, куда мне на самом деле. Отвези-ка меня домой.

Таксист. Это куда?

Лиза. Эйнджел-Корт, Друри-лейн, рядом с керосиновой лавкой Мейклджона.

Таксист. Вот это больше похоже на правду, подружка. (Отъезжает.)

* * *

Давайте проследуем за такси до въезда на Эйнджел-Корт, узкой арки между двумя лавками – одна из них и есть керосиновая лавка Мейклджона. Когда машина останавливается, Элиза выходит и вытаскивает за собой корзину.

Лиза. Сколько?

Таксист (указывая на счетчик). Не видишь, что ли? Шиллинг.

Лиза. Шиллинг за две минуты!!

Таксист. Две или десять, нам без разницы.

Лиза. Ну, а по-моему, это нечестно.

Таксист. Ты раньше хоть раз на такси ездила?

Лиза (надменно). Столько много раз, что и со счету сбилась, молодой человек.

Таксист (со смехом). Ну, ты даешь, подружка! Оставь себе шиллинг, чтоб тебе жить богато. Удачи! (Уезжает.)

Лиза (оскорбленно). Нахал!

Взяв корзину, она бредет с ней по переулку в свое жилище; это очень маленькая комнатка с обоями, отставшими от стен в сырых местах. Разбитое стекло в окне заклеено бумагой. На стене висят вырванные из журналов картинки – портрет популярного актера и иллюстрация с модными дамскими платьями, которые явно не по карману бедной Элизе. В окне птичья клетка, но ее обитатель давно почил; ее берегут только как память.

Этим исчерпывается все, что можно назвать излишествами; прочее представляет собой тот минимум, без коего не могут обойтись даже бедняки. Это жалкая кровать с наваленным на нее тряпьем, хоть как-то способным удерживать тепло, накрытый куском ткани ящик с тазиком и кувшином на нем и маленьким зеркальцем над ним, кухонный стол и стул, выброшенные на свалку какими-нибудь мещанами среднего достатка, и американский будильник на полке над камином, которым давно не пользовались; все это освещается газовым рожком с прорезью для монеток. Арендная плата – четыре шиллинга в неделю.

Несмотря на свою хроническую усталость, Элиза слишком возбуждена, чтобы лечь спать; она садится, пересчитывает нежданно обрушившиеся на нее богатства, предается мечтам и строит планы на будущее, покуда не гаснет свет. Она наслаждается непривычным сознанием того, что может опустить в прорезь пенни, не сожалея о столь крупной трате. Впрочем, давно укоренившаяся привычка к экономии берет верх над этой внезапной тягой к расточительности: Элиза понимает, что мечтать в постели теплее и к тому же обойдется дешевле, нежели сидение за столом у нетопленого камина. Сбросив с себя шаль и юбку, она добавляет их к груде тряпок, служащих ей одеялом. Потом скидывает ботинки и, завершив таким образом свой вечерний туалет, залезает в постель.

Действие второе

11 часов утра следующего дня в кабинете Хиггинса. Это комната на втором этаже с окнами на улицу, бывшая гостиная. Посреди задней стены расположены двойные двери; те, кто оттуда появляется, видят по правую руку от себя два высоких картотечных шкафа, стоящих у стен под прямым углом друг к другу. В этом же углу находится письменный стол, на нем – фонограф, ларингоскоп, ряд миниатюрных органных труб с мехами, набор ламповых стекол с горелками (так называемая химическая гармоника), к которым тянется от газового вентиля в стене каучуковый шланг, несколько камертонов разного калибра, половина человеческой головы в натуральную величину, показывающая органы речи в разрезе, и коробка с валиками для фонографа.

Еще дальше от входа расположен камин; около него, со стороны, ближней к дверям, стоят удобное кожаное кресло и ведерко для угля. На каминной полке – часы. Между рабочим местом хозяина и камином есть еще журнальный столик.

По другую сторону от центрального входа, слева от посетителя, тумба с неглубокими ящиками, на ней телефон и телефонный справочник. Соседний угол и большая часть боковой стены заняты роялем, обращенным задней частью к дверям; перед ним стоит скамья во всю длину клавиатуры. На крышке рояля красуется блюдо с горой фруктов и сладостей, в основном шоколадок.

Середина комнаты свободна. Кроме скамьи у рояля, кресла и двух стульев у стола с фонографом, здесь имеется еще один стул, у камина. На стенах висят гравюры – Пиранези и портреты меццо-тинто. Картин нет.

За столом сидит Пикеринг; он кладет на него карточки и камертон, которыми только что пользовался. Хиггинс над ним, закрывает два-три выдвинутых картотечных ящика. В утреннем свете обнаруживается, что это крепкий, живой, довольно привлекательный мужчина лет сорока; на нем профессионального вида черный сюртук, белый полотняный воротничок и черный шелковый галстук. Он производит впечатление энергичного ученого, который питает искренний и даже страстный интерес ко всему, что может служить предметом научного исследования, и полностью равнодушен к себе и окружающим, включая их чувства. По сути говоря, если не учитывать его годы и физические размеры, это

типичный импульсивный ребенок, громко и азартно объявляющий о том, что привлекает его внимание, и требующий от посторонних немалых усилий по ограждению его от случайных неприятностей. Его поведение меняется от добродушно-ироничного, когда он в хорошем расположении духа, до вспышек брюзгливого раздражения, когда что-нибудь идет не так; однако он столь прямодушен и беззлобен, что не вызывает отталкивания даже в те минуты, когда способность рассуждать здраво вовсе его покидает.

Хиггинс (задвигая последний ящик). Ну вот, кажется, все показал.

Пикеринг. Потрясающе! Я и половины пока не переварил.

Хиггинс. Может, пройдемся еще разок?

Пикеринг (поднимается, подходит к камину и становится спиной к нему). Нет-нет, благодарю вас – не теперь. На сегодняшнее утро довольно.

Хиггинс (следует за ним и останавливается по его левую руку). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Это огромное напряжение. Раньше я гордился тем, что могу произнести двадцать четыре различных гласных звука, но куда мне до ваших ста тридцати! Многие из них для меня неразличимы.

Хиггинс (посмеиваясь, направляется к роялю, чтобы взять сладкого). Это вопрос практики. Поначалу разницы не слышно, но потом обнаруживаешь, что они такие же разные, как А и Б.

В дверь заглядывает Миссис Пирс, экономка Хиггинса.

В чем дело?

Миссис Пирс (помедлив, явно весьма озадаченная). К вам молодая женщина, сэр.

Хиггинс. Женщина! Что ей нужно?

Миссис Пирс. Она говорит, вы очень обрадуетесь, когда узнаете, зачем она здесь, сэр. Но она из простых. Совсем из простых. Я бы ее не пустила, но подумала, вдруг вы пригласили ее, чтобы поговорить в ваши машинки. Надеюсь, я правильно поступила – к вам ведь иногда такие странные люди ходят, уж извините меня, сэр…

Хиггинс. Все в порядке, миссис Пирс. У нее интересный выговор?

Миссис Пирс. Ужасный, сэр. Как это может нравиться, я прямо в толк не возьму.

Хиггинс (Пикерингу). Давайте посмотрим. Зовите ее сюда, миссис Пирс. (Бросается к столу и берет новый валик для фонографа.)

Миссис Пирс (с сомнением). Что ж, сэр. Дело ваше. (Уходит.)

Хиггинс. Надо же, как повезло. Увидите, как я делаю записи. Она будет говорить, я зарисую это знаками по системе Белла, потом латиницей по другой системе, а потом запишем ее на фонограф, и сможете слушать сколько хотите, с блокнотом перед глазами.

Миссис Пирс (возвращается). Вот эта женщина, сэр.

Входит Цветочница в парадном одеянии. На ней шляпка с тремя страусовыми перьями – оранжевым, небесно-голубым и красным. Передник практически чист, потрепанное пальтишко тоже выглядит более или менее пристойно. Вид этой жалкой фигуры с ее наивным тщеславием и беспочвенным самодовольством трогает Пикеринга, который уже подтянулся в присутствии миссис Пирс. Что же до Хиггинса, то единственное отличие в его реакции на мужчин и женщин состоит в том, что в промежутках между язвительными насмешками и сетованиями на какое-нибудь игрушечное бремя он улещивает женщин, словно ребенок – няньку, от которой ему хочется чего-то добиться.

Хиггинс (бесцеремонно, с неприкрытым разочарованием, которое тут же превращается у него в детскую обиду на весь свет). Тьфу ты! Эту я уже записал вчера вечером. Ничего интересного: диалекта Лиссон-Гроув у меня сколько

угодно, на нее и валик жалко тратить. (Девушке.) Ступай; ты мне не нужна.

Цветочница. А вы не грубите, не узнавши, зачем я пришла. (Обращается к миссис Пирс, которая стоит у двери в ожидании дальнейших распоряжений.) Вы сказали, что я приехала на такси?

Миссис Пирс. Что за чушь! По-твоему, мистеру Хиггинсу это не все равно?

Цветочница. Какие мы гордые! А сам всего-то уроки дает – слыхала я. Ладно, я не кланяться пришла; а ежели мои деньги вам не нравятся, так я пойду в другое место.

Хиггинс. Твои деньги?

Цветочница. Да! Теперь вам ясно? Я хочу брать уроки. И платить за них, не сомневайтесь.

Хиггинс (изумленно). Ну и ну! (Делает глубокий вдох, чтобы прийти в себя.) И что я, по-твоему, должен на это сказать?

Цветочница. Были бы джентльменом, так пригласили бы сесть. Я ж сказала, что пришла по делу.

Хиггинс. Пикеринг! Как по-вашему, пусть эта половая тряпка сядет или вышвырнем ее из окна?

Цветочница (в ужасе отбегает к роялю и оборачивается, готовая обороняться). А-а-а-а-у-у-у! (Уязвленно, хнычущим голосом.) Нечего обзываться, раз я плачу, как леди.

Мужчины ошеломленно смотрят на нее с другого конца комнаты.

Пикеринг (мягко). Но чего вы хотите, дорогая моя?

Цветочница. Хочу продавать цветы, как леди, – в магазине, а не на углу Тоттнем-Корт-роуд. Но меня не возьмут туда, пока не буду говорить по-благородному. А он этому учит. Я деньги предлагаю, а не милостыни прошу… а он обзывается.

Миссис Пирс. С чего ты взяла, дурья твоя голова, что сможешь заплатить мистеру Хиггинсу?

Цветочница. А чего тут? Я цены знаю, и деньги у меня есть.

Хиггинс. Сколько же?

Цветочница (подходя обратно, торжествующе). Вот это другой разговор! Я так и знала, что вы захочете вернуть малость от того, что вчера мне кинули. (С дружелюбной фамильярностью.) Перебрали небось, да?

Хиггинс (повелительно). Садись.

Цветочница. Ну, ежели вам угодно…

Хиггинс (громовым голосом). А ну, сесть!

Миссис Пирс (сурово). Ясно тебе? Делай как сказано.

Цветочница. А-а-а-у-у-у! (По-прежнему стоит, отчасти в знак протеста, отчасти из нерешительности.)

Пикеринг (очень вежливо). Будьте добры, сядьте. (Берет стул у камина и ставит его между собой и Хиггинсом.)

Цветочница (жеманно). Чего ж, можно. (Садится. Пикеринг возвращается на коврик перед камином.)

Хиггинс. Как тебя звать?

Цветочница. Лиза Дулитл.

Хиггинс (серьезно декламирует).

Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс

Однажды все вместе отправились в лес.

Пикеринг. И все по грибку под сосною нашли.

Хиггинс. Там было четыре, осталось лишь три.

Они от души смеются над своей шуткой.

Лиза. Да хватит вам дурить.

Миссис Пирс (подойдя сзади к Лизиному стулу). Так с джентльменами не разговаривают.

Лиза. А чего он не говорит толком?

Хиггинс. Ладно, к делу. Сколько ты предлагаешь мне за уроки?

Лиза. Мы цены знаем. Моя знакомая леди учится у настоящего француза за полтора шиллинга в час. Но это французскому, а за мой родной язык вы ж столько не сдерете; так что даю шиллинг. Хотите берите, хотите нет.

Хиггинс (шагает взад-вперед по комнате, бренча монетами и ключами в кармане). Пикеринг, если смотреть на этот шиллинг не как на обычный шиллинг, а как на долю от ее дохода, это все равно что шестьдесят или семьдесят гиней из рук миллионера.

Пикеринг. Как это?

Хиггинс. Вот смотрите. Доход миллионера – сотни полторы фунтов в день. А у нее полкроны.

Лиза (высокомерно). Кто вам сказал, что у меня только…

Хиггинс (продолжает). Она предлагает за урок две пятых своего дневного дохода. Для миллионера это было бы около шестидесяти фунтов. Недурно. Да это бешеные деньги! Мне в жизни столько не предлагали.

Лиза (поднимаясь, в ужасе). Шестьдесят фунтов! О чем это вы? Я вам столько не предлагала. Да где мне взять…

Хиггинс. А ты помалкивай.

Лиза (плачет). Нету у меня шестьдесят фунтов. О-о…

Миссис Пирс. Не реви, глупая. Сядь. Никто твоих денег не трогает.

Хиггинс. Зато тебя саму сейчас тронут, метлой по спине, если не перестанешь хныкать. Сядь.

Лиза (не сразу, но подчиняется). А-а-а-у-у-у! Тоже мне, папаша нашелся.

Хиггинс. Если я за тебя возьмусь, я тебе буду и папой, и мамой. На! (Протягивает ей свой шелковый платок.)

Лиза. Это еще зачем?

Хиггинс. Вытри глаза. И щеки. И запомни: вот платок, а вот твой рукав. Не путай одно с другим, если хочешь стать настоящей леди и торговать в магазине.

Лиза, в полном недоумении, беспомощно таращится на него.

Миссис Пирс. Да что с ней говорить, мистер Хиггинс; она вас не понимает. А платок ей ни к чему: она все равно не знает, что с ним делать. (Забирает платок.)

Лиза (выхватывает у нее платок). Эй! А ну, отдайте. Это мне дали, а не вам.

Пикеринг (смеясь). Правда. Теперь это ее собственность, миссис Пирс.

Миссис Пирс (уступая). Ну что ж, сами виноваты, мистер Хиггинс.

Пикеринг. Это любопытно, Хиггинс. Как насчет великосветского приема? Если сделаете, я склоню перед вами голову и признаю вас самым гениальным

учителем на свете. Но держу пари, что у вас ничего не выйдет, а если проиграю, готов оплатить все ваши расходы на это дело. Вместе с уроками.

Лиза. Экий вы добренький. Спасибо, капитан.

Хиггинс (смотрит на нее, размышляя, поддаться ли соблазну). Очень заманчиво. Она такая примитивная… дитя помойки…

Лиза (бурно протестует). А-а-а-а-у-у-у-у! Какой еще помойки – я руки мыла и лицо тоже.

Пикеринг. Да уж, комплиментами вы ей голову не вскру?жите.

Миссис Пирс (забеспокоившись). Знаете, сэр, девушке легко вскружить голову; а мистер Хиггинс может сделать это мигом, сам того не заметив. Надеюсь, вы не будете подбивать его на всякие глупости.

Хиггинс (идея все больше приходится ему по вкусу). Что есть жизнь, как не ряд вдохновенных глупостей? Но совершать их не так уж легко. Главное – не упустить шанс, а он дается не каждый день. Я сделаю из этой драной кошки герцогиню.

Лиза (решительно возражая против такой характеристики). А-а-а-у-у-у!

Хиггинс (увлеченно). Да – через каких-нибудь полгода, а то и через три месяца, если у нее хороший слух и гибкий язык, я выдам ее за кого угодно, и никто ничего не заметит. Начнем сегодня же – сейчас же, сию минуту! Возьмите ее и отмойте хорошенько, миссис Пирс. С песочком, если грязь иначе не отойдет. Печь в кухне растоплена?

Миссис Пирс (протестующе). Да, но…

Хиггинс (напористо). Снимите с нее одежду и сожгите. Позвоните в универмаг Уайтли или еще куда-нибудь, добудьте новую. А пока заверните ее в оберточную бумагу.

Лиза. Вы не джентльмен, вот что я скажу. Я девушка честная, а вас знаю как облупленных.

Хиггинс. Хватит нести ахинею и изображать недотрогу, понятно тебе? Ты у меня станешь герцогиней. Забирайте ее, миссис Пирс. А будет пищать – всыпьте хорошенько.

Лиза (вскакивая и прячась за Пикеринга и миссис Пирс). Эй-эй! Я полицию вызову.

Миссис Пирс. Но у нас нет места – куда я ее дену?

Хиггинс. Хоть в мусорное ведро.

Лиза. А-а-а-у-у-у!

Пикеринг. Хиггинс! Это уж слишком.

Миссис Пирс (решительно). Напрасно вы так, мистер Хиггинс; ей-богу, напрасно. Нельзя так всех оскорблять.

Осаженный таким образом Хиггинс несколько умеряет свой пыл. За ураганом следует легкий бриз добродушного удивления.

Хиггинс (с профессиональной точностью выбирая интонацию). Это я-то всех оскорбляю! Моя дорогая миссис Пирс, мой дорогой Пикеринг, у меня и в мыслях этого не было. Мне просто жаль эту бедную девушку. Надо помочь ей начать новую жизнь. Если я выразился недостаточно ясно, то лишь потому, что не хотел задевать ничьи чувства, ее или ваши.

Успокоенная Лиза украдкой возвращается на свой стул.

Миссис Пирс (Пикерингу). Слышали вы хоть раз в жизни что-нибудь подобное, сэр?

Пикеринг (смеясь от души). Нет, миссис Пирс. Никогда.

Хиггинс (терпеливо). Ну, в чем еще дело?

Миссис Пирс. А в том, сэр, что нельзя подбирать девушку просто так, словно гальку на пляже.

Хиггинс. Почему это?

Миссис Пирс. Почему! Вы ведь ее совсем не знаете. А ее родители? А если она замужем?

Лиза. Как же!

Хиггинс. Вот именно! Как же! Замужем! Вы что, не знаете, что через год после свадьбы женщины этого класса выглядят лет на пятьдесят?

Лиза. Да кто меня возьмет?

Хиггинс (низким бархатным голосом, выбирая самые выразительные модуляции из своего богатого арсенала). Клянусь, Элиза, через месяц-другой ты будешь ступать по телам мужчин, застрелившихся из-за тебя.

Миссис Пирс. Чепуха, сэр. Ну что вы ей обещаете?

Лиза (поднимаясь и распрямляя плечи, довольно твердо). Я ухожу. Он спятил. Не буду я учиться у психа.

Хиггинс (глубоко уязвленный тем, что его красноречие на нее не подействовало). Ах, так? Значит, я спятил? Прекрасно. Миссис Пирс – новая одежда отменяется. Гоните ее прочь.

Лиза (хнычет). Чего это? Не имеете права меня трогать.

Миссис Пирс. Вот что значит дерзить. (Показывает на дверь.) Сюда, пожалуйста.

Лиза (на грани слез). Не надо мне вашей одежды. Я и не взяла бы. (Бросает платок.) Сама могу купить.

Хиггинс (ловко подхватывает платок и преграждает ей путь к двери, куда она неохотно движется). Какая черная неблагодарность! Это за мое желание вытащить тебя из грязи, одеть красиво и сделать из тебя леди.

Миссис Пирс. Ну хватит, мистер Хиггинс. Довольно. Посмотрели бы на себя со стороны. Иди к родителям, милая, и скажи им, чтобы получше за тобой приглядывали.

Лиза. Нет у меня родителей. Они меня выгнали – сказали, большая уже, сама как-нибудь прокормишься.

Миссис Пирс. Где твоя мать?

Лиза. Нет у меня матери. Которая выгнала, была мачеха, шестая уже. Но я и без них обойдусь. Я девушка честная.

Хиггинс. Ну что, стоило поднимать шум? Эта девица ничья – никому она даром не нужна, кроме меня. (Подходит к миссис Пирс и начинает ее уговаривать.) Вы ведь можете удочерить ее, миссис Пирс, – она будет вас развлекать. А теперь хватит. Ведите ее вниз, и…

Миссис Пирс. Но что с ней будет? Ей же нужно хоть сколько-нибудь платить? Подумайте наконец, сэр.

Хиггинс. Ну, заплати?те сколько надо: включите это в расходы по дому. (Нетерпеливо.) Да на кой ляд ей деньги? Кормить ее будут, одевать тоже. А деньги она все равно пропьет.

Лиза (вспыхивает). Какой же вы нахал! Это вранье, я капли в рот не беру. (Пикерингу.) Пожалуйста, сэр! Вы джентльмен – скажите ему, чтоб не грубил.

Пикеринг (тоном добродушного увещания). Вы понимаете, Хиггинс, что девушка тоже может обидеться?

Хиггинс (критически озирая ее). Да ну? Что вы говорите. (Весело.) Ты правда можешь, Элиза?

Лиза. А чего мы, хуже вас, что ли?

Хиггинс (Пикерингу, задумчиво). Замечаете трудность?

Пикеринг. А? Какую трудность?

Хиггинс. Придется учить грамотной речи. Не только произношению.

Лиза. Не надо мне вашей грамотной речи. Хочу говорить, как леди в магазине.

Миссис Пирс. Пожалуйста, не отвлекайтесь, мистер Хиггинс! Я хочу знать, на каких условиях вы собираетесь поселить здесь эту девушку. Будет ли она получать жалованье? И что станет с ней после того, как вы закончите ее обучение? Надо же немножко подумать о будущем.

Хиггинс (нетерпеливо). А что с ней станет, если мы выкинем ее обратно в канаву? Ответьте-ка, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Это уже ее дело, а не ваше, мистер Хиггинс.

Хиггинс. Ну хорошо, когда я закончу, пускай отправляется обратно в канаву и сама разбирается там со своими делами.

Лиза. Бездушный вы человек, вот что! Вам наплевать на всех, кроме себя! (Решительно поднимается с места.) Ладно! Хватит с меня. Я ухожу. (Шагает к двери.) А вы постыдились бы, вот.

Хиггинс (хватает с рояля шоколадную конфету, и в его глазах вдруг загораются лукавые огоньки). Съешь конфетку, Элиза.

Лиза (останавливается, борясь с соблазном). Почем я знаю, что там внутри? Такие, как вы, и отравить могут.

Хиггинс мигом достает перочинный ножик, разрезает конфету пополам, одну половину сует себе в рот и проглатывает, а другую протягивает ей.

Хиггинс. Смотри, Элиза. Одну половину мне, другую тебе. (Лиза открывает рот, чтобы возразить, и он запихивает туда полконфеты.) Ты будешь есть их коробками, ящиками, каждый день. Одни конфеты круглые сутки. Ну как?

Лиза (чуть не подавившись, но в конце концов проглотив конфету). Просто я не так воспитана, чтобы выплевывать.

Хиггинс. Слушай, Элиза. Ты приехала сюда на такси, верно?

Лиза. И что с того? Имею право не меньше вашего.

Хиггинс. Согласен; и скоро ты будешь разъезжать на такси повсюду. По всему городу, куда захочется. Подумай об этом, Элиза.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, вы ее искушаете. Это нехорошо. Ей нужно думать о будущем.

Хиггинс. Чушь! В ее-то годы! У нее хватит времени подумать о будущем, когда будущего не останется. Нет, Элиза, бери пример с этой леди: думай о будущем других людей, но никогда – о своем. Думай о конфетах и такси, о золоте и бриллиантах.

Лиза. Не надо мне ваших бриллиантов. Я девушка честная. (Снова садится с надменным видом.)

Хиггинс. И останешься ею под оком миссис Пирс. И выйдешь замуж за гвардейского офицера с роскошными усами, сына маркиза, которого лишат из-за тебя наследства, но сжалятся, увидев твою красоту и манеры…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bernard-shou/pigmalion-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить